

ПРОКСЕНИИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В межгосударственных отношениях древнегреческих полисов особое место занимала проксения — оригинальный институт, который можно считать зорыдышем современных консульств. Проксения представляла собой своеобразное соглашение о гостеприимстве между государством и частным лицом — гражданином другого государства, по которому данное лицо принимало на себя защиту интересов иностранного государства, оказание покровительства его гражданам на своей родине. В свою очередь государство за оказываемые услуги предоставляло лицу (проксену) различные права и привилегии в своей стране.

Характер проксении различался в разных странах. Как отмечал П. Монсо, это был институт религиозный в крупных религиозных центрах, торговый — в городах торговых, политический и дипломатический — в больших государствах, игравших видную политическую роль¹.

Со временем, однако, по мнению ряда ученых, проксения утрачивает прежнее назначение, превращается в чистую почесть, звание проксена становится почетным титулом, не связанным с выполнением каких-либо функций². Некоторые авторы считают, что это произошло уже в IV в. до н. э.³ (а по Шэферу, даже в V в. до н. э.⁴) с распространением политических, торговых и правовых договоров между государствами.

По мнению других ученых, проксения сохраняла свое первоначальное значение и в эллинистический период, и в римское время⁵.

В центре внимания настоящей статьи находятся проксении Херсонеса Таврического — античного полиса, основанного в последней четверти V в. до н. э. дорийцами из Гераклеи Понтийской⁶. Мы попытаемся проследить эволюцию формулы и характера херсонесских проксений, прав и привилегий проксенов на протяжении всего периода существования этого института в Херсонесе, т. е. приблизительно с IV в. до н. э. по III в. н. э.⁷

В Херсонесе обнаружено 30 актов о проксении, сохранившихся, главным образом, во фрагментах. По времени они распределяются следующим образом: к концу IV в. до н. э. относится одна проксения, к III в. до н. э. две, к концу II в. до н. э. также две проксении, к I—III вв. н. э. относится 24 проксенических декрета. Как видим,

большинство документов проксении приходится на так называемый «римский» период в истории города. Сам по себе этот факт представляет собой явление своеобразное, поскольку в римскую эпоху проксения в античном мире встречается довольно редко. В Ольвии, в частности, из 37 найденных там проксенических декретов (и их фрагментов) лишь два декрета относятся к римскому времени. В Афинах, по свидетельству А. Ламбрехта, число проксенических декретов резко сокращается и падает уже к концу IV в. до н. э.⁸

Формула проксении в Херсонесе претерпевает со временем некоторые изменения. В проксении IV в. до н. э.⁹ содержится заголовок *Proxenia Timagora Rodiu*, за которым сразу, без мотивировки, следует постановление совета и народа о предоставлении Тимагору, сыну Никагора, родосцу, проксении и некоторых привилегий, с ней связанных. Формула отличается простотой и краткостью, что свойственно вообще проксеническим актам более раннего времени¹⁰. Предложение о предоставлении проксении здесь внесено двумя частными лицами.

Государственные акты (и проксенические в том числе), относящиеся к III в. до н. э.¹¹, характеризуются пространной формулой. Заголовок в них нет. Декрет начинается с имени лица, внесшего предложение: «Такой-то предложил». Затем следует мотивировочная (с *ereide*) и резолютивная части. Постановление рекомендуется написать на плите и выставить в указанном месте, стоимость написания оплатить казначею; указывается дата: «Это решено советом и народом тогда-то». С предложением об издании декрета выступают в это время и частные, и должностные лица¹².

В декретах II в. до н. э.¹³ предложения вносят только должностные лица: номофилаки и стоящий во главе управления. В остальном изменений в формуле не наблюдается: видим такую же (или несколько большую) расплывчатость в аргументации, а затем постановление совета и народа, как и в декретах III в. до н. э.

В римский период (I—III вв. н. э.) с предложением о декрете выступают проедры¹⁴. Часть декретов этого времени начинается с заголовка «*Agathai tuchai*» («С добрым счастьем»), за которым следует выражение: «Проедры херсонеситов, что в Таврике, предложили...», часть декретов начинается прямо с упомянутой фразы. Затем дается мотивировка в весьма туманных выражениях и постановление совета и народа о предоставлении лицу определенных прав и привилегий. В отличие от предшествующего времени в этот период декрет скрепляется печатями и подписью должностных и видных лиц города¹⁵.

Итак, определенному периоду свойственна соответствующая формула актов о проксении. Эволюция формулы херсонесских проксений, как мы видели, происходит в сторону расплывчатости, многословия. Между тем, известно, что проксениям дорических государств свойствен консерватизм: короткие формулы декретов, почти не изменяющиеся со временем¹⁶. Проксении дорического Херсонеса, в отличие от них, приближаются в значительной степени к ионийским проксениям, что явилось, безусловно, результатом тесного общения города с прочими северопричерноморскими государствами, основанными ионийцами-

милетянами, а также связи с Афинами, островами Эгейского моря и ионийскими полисами Малой Азии, влияние которых сказалось и на изменениях в формуле херсонесских проксенических декретов.

Эволюция формулы херсонесских проксений может служить показателем все возрастающей роли аппарата власти и постепенной аристократизации государственного строя примерно с III в. до н. э., когда с предложениями о декрете стали выступать должностные лица¹⁷. В римский период этот процесс завершился превращением демократической республики в аристократическую¹⁸.

Со временем наблюдаются изменения не только в формуле проксенических декретов; эволюционирует, на наш взгляд, и характер проксении. В доримский период он зависел в основном от характера связей Херсонеса с другими полисами.

Наиболее ранняя проксения херсонесцев из известных в настоящее время дарована гражданину Родоса Тимагору, сыну Никагора (конец IV в. до н. э. или рубеж IV—III вв. до н. э.¹⁹). В декрете нет мотивировочной части, но, надо думать, характер проксении был торговым. О политических связях Херсонеса с Родосом нет никаких данных. Торговые сношения Херсонеса с Родосом уступали ольвийско-родосским или боспорско-родосским, но были довольно развиты. По подсчетам Ю. С. Крушкол, в Ольвии обнаружено 3000 амфорных ручек с родосскими клеймами, в Пантикапее 2354, в Херсонесе 154, в Керкинитиде (входившей длительное время в состав Херсонесского государства) 63 клейма²⁰. В Херсонесе найдено также пять бронзовых монет Родоса конца IV—II в. до н. э.²¹ Кроме того, Херсонес, как известно, чеканил серебряную монету по родосско-хиосской системе, что, по мнению А. М. Гилевич, было вызвано развитием торговли между обоими центрами²².

Данная проксения, в связи со сказанным, имела торговое назначение; как показатель торговых связей Херсонеса с Родосом, рассматривает ее Ю. С. Крушкол²³. И даже А. И. Тюменев, не склонный видеть в херсонесских проксениях свидетельства торговых сношений, отмечает, что издание этого декрета, возможно, «имело в виду... торговые интересы»²⁴. Но, ссылаясь на то, что текст декрета не содержит никаких указаний на услуги, оказываемые гражданам Херсонеса, приезжающим на Родос, он делает вывод о пассивной роли Херсонеса в торговле с Родосом²⁵. Аргументация этого тезиса представляется неудачной, так как декретам IV в. до н. э. в государствах Северного Причерноморья вообще свойственна была краткая формула, без мотивировочной части²⁶, следовательно, упоминаний об «услугах» в данном декрете и не могло быть. Возможно, в торговле Родоса Херсонес действительно играл менее активную роль, но поскольку основная функция проксена сводилась к покровительству прибывшим в его родной город иностранцам, можно предположить, что и торговцы из Херсонеса бывали на о. Родосе. Тимагор, сын Никагора, очевидно, будучи сам купцом, оказывал прием и помощь прибывшим на Родос херсонесцам и за это получил проксению и все те привилегии, которые обычно соединялись с ней в Херсонесе.

Считать, что уже в это время (IV в. до н. э.) проксения потеряла свое значение как функция и превратилась в чистую почесть, на наш взгляд, нет оснований ни применительно к Херсонесу, ни в общегреческом масштабе. Напротив, в речи Демосфена мы встречаем проксе-на, который печется о гражданах представляемого им города, заяв-ляя: «Я же проксен гераклеотов... Необходимо ведь мне заботиться о прибывающих гераклеотах»²⁷.

К III в. до н. э. относятся два декрета, которые мы склонны счита-ть проксениями. Одна из них дарована Пасиону (этникон неизвес-тен), который «услуги оказывает и вообще городу, и в частности об-рашающимся к нему гражданам»²⁸, другая — ольвиополиту, сыну Евтия, «поскольку (муж добрый) и услуги оказывает городу...»²⁹. Сохранившиеся отрывки мотивировочной части документов очень фрагментарны, и установить по ним точно характер услуг не представ-ляется возможным. По всей вероятности, они также преследовали торговые цели. Археологический и нумизматический материал под-тверждает тесные экономические связи, существовавшие между Херсо-несом и Ольвией. В результате раскопок до 1941 г. в Ольвии было обнаружено 108 клейменных ручек херсонесских амфор³⁰. Также в Ольвии найдено 4 экземпляра херсонесских монет IV—II вв. до н. э. Еще больше находок ольвийских монет этого же времени в Херсоне-се — 25 экземпляров³¹. О торговых взаимоотношениях между города-ми свидетельствуют и эпиграфические данные. В начале IV в. до н. э. ольвиополиты дали проксению херсонесцу Пираллию³². От III в. до н. э. также известна проксения Ольвии, данная херсонесцу Диони-сию, сыну Тагона, за услуги, оказываемые прибывающим в Херсонес ольвиополитам. Таким образом, как Херсонес имел своего проксе-на (а вероятнее всего, проксенов) в Ольвии, так и у ольвиополитов были свои представители в Херсонесе. Их задачей было размещение при-бывавших в город граждан связанного с ними государства (а прибы-вали, в первую очередь, купцы) и оказание им покровительства в раз-личных делах, как об этом сказано в проксении Дионисия.

В конце III—II в. до н. э. Херсонес, все чаще подвергавшийся напа-дениям скифов, начинает ориентироваться на Понтийское царство. В это время усиливаются торговые и политические связи Херсонеса с Южным Причерноморьем. В 179 г. до н. э. Херсонес заключил договор с понтийским царем Фарнаком, который владел к тому времени Сино-пой, Котиорой и Керасунтом. Фарнак обещал быть «другом херсонес-цам», обязывался помогать им, «если соседние варвары выступят по-ходом на Херсонес или на подвластную херсонесцам страну»³⁴.

Примерно в это же время получил проксению гражданин Синопы Менофил, сын Менофила³⁵. А. И. Тюменев полагает, что проксения была дана синопейцу «в расчете на его содействие в сношениях с царем Понта»³⁶. В. Ф. Гайдукевич считает Менофила купцом, который вел торговлю в Херсонесе³⁷. М. И. Максимова тоже видит в лице этого гражданина Синопы торговца, который имел с Херсонесом какие-то торговые сношения. М. И. Максимова отмечает, что цари Понта вся-чески поощряли торговлю Синопы и Амиса, видя в них как источник

дохода государства, так и действенное средство для расширения своего политического влияния в Причерноморье и за его пределами³⁸.

В мотивировочной части декрета в честь Менофила говорится, что он «всегда благородно предоставляет себя в распоряжение и вообще и в частности имеющим с ним дело гражданам», «свое пребывание (в Херсонесе) благоприличным и полезным для народа сделал», «обещает же и впредь быть виновником какого-нибудь блага»³⁹. Как видим, Менофил проживал какое-то время в Херсонесе, надо думать, по торговым делам. Мы склонны считать, таким образом, что данная проксения имела торговое назначение. Вместе с тем наличие расплывчатой, неопределенной формулировки наталкивает на мысль, что здесь на первый план выступает почетная сторона проксении, преследуется цель оказать уважение проксену, однако его функции еще не утратили своего значения: почитаемый гражданин обещает приносить пользу и впредь.

Археологические раскопки подтверждают тесные торговые связи между Херсонесом и Синопой. «По количеству амфор и амфорных ручек, найденных в Херсонесе, на первом месте после самого Херсонеса стоит Синопа, которая, как известно, снабжала Северное Причерноморье оливковым маслом», — замечает Г. Д. Белов⁴⁰.

В результате раскопок, проводимых экспедицией УрГУ в северо-западной части Херсонеса в 1960 г., в слое эллинистического периода (III—II вв. до н.э.) была выявлена такая картина: примерно 53% найденной керамики было местного производства, 26% синопской, 6,3% керамики приходилось на Фасос, 5 — на Родос, 2 — гераклейской керамики, 1,5% — амфоры с о. Кос, остальные неопределенные⁴¹.

Из привозных амфор, как видим, чуть более половины синопского производства. Наряду с маслом и вином ввозилась в Херсонес и синопская черепица, что также засвидетельствовано данными раскопок⁴².

Но не только торговые сношения существовали между Херсонесом и Южным Причерноморьем в позднеэллинистический период. Как уже упоминалось, между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком в 179 г. до н. э. был заключен договор, свидетельствующий о политических взаимоотношениях между двумя государствами.

Развитие этих отношений наблюдается и при Митридате VI Евпаторе (конец II в. до н. э.), когда посол царя Митридата — гражданин Амиса, отправленный в Херсонес, получил похвалу херсонесского совета и народа и был удостоен проксении и привилегий, с ней связанных, за то, что «выказывает себя во всем благорасположенным, устраивает все дела, связанные с посольством, наилучшим образом и пребывание свое делает достойным и полезным как для царя, так и для нашего народа»⁴³.

Здесь проксения дана за дипломатическую деятельность, посредничество между двумя государствами и имеет своей целью развитие политических взаимосвязей Херсонеса с Понтийским царством. Проксения относится ко времени, когда Херсонес находился в крайне трудном положении в связи с усиливавшимся наступлением скифов: он потерял малые города, подчиненные ему прежде на западном побе-

режье Крыма, и значительную часть сельскохозяйственной территории. В таких условиях он обращается за помощью к понтийскому царю. Митридат VI, со своей стороны, проявлял большой интерес к делам Херсонесского государства и всего Северного Причерноморья, преследуя при этом определенные цели — укрепиться в богатом северопричерноморском районе, распространить свою власть и на эту территорию. Посольство Митридата в Херсонес, как видим из проксенической надписи, было удачным и для царя, и для Херсонеса; возможно, удалось как раз в это время договориться о посылке военной экспедиции на помощь херсонесцам, за что последние жертвовали своей свободой⁴⁴.

Итак, в эллинистический период мы находим в Херсонесе проксении разного характера: и торговые — способствующие развитию экономических связей Херсонеса с другими античными государствами, и данные с дипломатической целью. При этом постепенно усиливается почетная сторона проксении, что достаточно ярко проявляется в декретах II в. до н. э.

Бросается в глаза сравнительно небольшое количество проксенических актов Херсонеса эллинистического времени. Показательно, что в Ольвии обнаружено 30 проксенических декретов IV—II вв. до н. э., где проксенами назывались граждане Синопы, Гераклеи, Херсонеса, Афин, Истрии, Месембрии, Каллатии, Византии, Орхомена из Аркадии, Фив, Родоса, Смирны (а если учесть, что во многих надписях этникон проксена не сохранился, круг этих центров должен быть еще шире)⁴⁵. Известные нам проксении Херсонеса предоставлены лишь гражданам Родоса, Ольвии, Синопы, Амиса. Уже из этого сравнения видно, насколько уже и ограниченнее были внешние (главным образом, торговые) связи Херсонеса. Являясь важным транзитным пунктом на торговых путях из Средиземноморья и Южного Понта в Северное Причерноморье, сам Херсонес, по-видимому, не вел торговлю в таком масштабе, как Ольвия или Боспор⁴⁶. Конечно, мы не отрицаем наличия непосредственных торговых сношений Херсонеса с другими государствами античного мира, но склоняемся к тому, что в этих сношениях город не был в значительной степени активным.

Со второй половины I в. до н. э. в Северном Причерноморье усиливается влияние Римского государства. Херсонес, как известно, большую часть второй половины I в. до н. э., в I в. н. э. и до сороковых годов II в. н. э. находился в подчинении у Боспора, сохраняя, правда, значительную административную автономию. Зависимость от Боспора не устраивала херсонесцев, пытавшихся добиться суверенитета. Неоднократно в Рим отправлялись посольства с просьбой о предоставлении свободы городу. В 46 г. до н. э. херсонесским послом к Гаю Юлию Цезарю был назначен Сатир, сын Теогена — не уроженец Херсонеса, а человек, принятый в число граждан города (*polites poietos*), обладавший также правами римского гражданства (в его имя включены *граеоптен* и *потен* Цезаря)⁴⁷. Возможно, Гай Юлий Сатир, сын Теогена, был херсонесским проксеном: все проксены Херсонеса получали политию. Как проксену, ему и поручили выполнение важной дипломатической миссии, которая, по-видимому, увенчалась успехом, и город получил от

Цезаря свободу⁴⁸. Правда, после убийства Цезаря Херсонес вновь стал зависимым от Боспора.

На рубеже нашей эры получил проксению некий Корнелий Пудэт, который, оказывая городу услуги, обещал и впредь, «не оставляя рвения», содействовать Херсонесу⁴⁹. Этникон чествуемого лица в сохранившейся части надписи не указан, но, судя по имени, это римлянин. Характер услуг не совсем ясен, но можно предположить, что речь идет опять-таки об услугах дипломатического рода, так как протекторат Боспора в это время сохранялся, и город по-прежнему добивался самостоятельности, невмешательства в свои внутренние дела. Проксения и привилегии, с ней связанные, предоставляются Корнелию, чтобы, как сказано в декрете, «показать, что поощряется сполна муж, достойный похвалы». Как видим, продолжается развитие тенденции, отмеченной нами применительно к проксениям II в. до н.э.: усиление их почетного аспекта, поощрение чествуемого лица. Но, как и в проксенических актах II в. до н.э., в рассматриваемое время функции проксена не сведены на нет, он обещает и впредь содействовать Херсонесу.

Большинство херсонесских проксенических декретов относится к концу I—II в. н.э. В это время наблюдается экономический подъем Херсонеса⁵⁰. Происходит расширение территории Херсонесского государства, к которому снова присоединяется часть западного побережья Крыма. Интенсивно обрабатывается сельскохозяйственная хора на Гераклейском полуострове. Растет товарность сельскохозяйственного производства⁵¹. Наблюдается развитие промыслов и ремесел. Изменяется и облик города. Перестраиваются оборонительные стены, возводятся крупные жилые здания, общественные постройки, театр, прокладывается водопровод.

В это время активизируются внешние сношения Херсонеса с античными припонтийскими городами и, в первую очередь, растут связи с метрополией его — Гераклеей Понтийской. Крепкие узы связывали их на протяжении всей истории Херсонеса. Во время осады Гераклеи римлянами в I в. до н.э. города Северного Причерноморья (и Херсонес, в частности) оказывали ей помощь⁵².

В первые века нашей эры связи Херсонеса с Гераклеей даже усилились. В это время получают проксению и привилегии, с ней связанные, многие гераклеоты. Так, в конце I в. н.э. (или в начале II в.) был удостоен проксении Фрасимед, сын Фрасимеда, гераклеот. В мотивировке отмечается, что этот гражданин «сделал свое пребывание у нас досточтимым и, имея благосклонность добрых отцов к любящим сыновьям, с удовольствием выказал величайшее благонравие пышнейшими жертвами»⁵³. Иными словами, человек совершил пышные жертвоприношения во время пребывания в Херсонесе и за это был почтен соответствующим образом. В декрете подчеркиваются родственные связи, которые объединяли Херсонес с его метрополией — Гераклеей. Фрасимед уже раньше получил от херсонесцев исполитию, т.е. уравнение в правах с гражданами, «как муж (лично) достойный всякой похвалы, (а также) и ради матери нашей, а его родины Гераклеи»⁵⁴. По данному декрету он получает гражданство проксении (proxenias

politeian) и другие привилегии, которые обычно фигурируют в подобного рода актах. «В чем права, обозначаемые прохенias politeian, отличаются от исополитии,— сказать трудно»,— пишет Р. Х. Лепер⁵⁵.

Нам кажется, предоставление гражданства проксении (проксенического гражданства) лицу, уже имевшему исополитию, наглядно подтверждает почетный характер проксении в это время. Не случайно происходят некоторые изменения в терминологии декретов. Если в надписях более раннего времени отмечались отдельно проксении (прохенia) и полития (politeia), получаемые лицом, то начиная с I в. н.э. (возможно, с конца I в.) чествуемый иностранец получал гражданство проксении (прохенias politeian). Речь идет, таким образом, не столько о функциях, деятельности, связанной с назначением проксеном, сколько о почестях, о предоставлении ему привилегий.

В 129/130 г. н.э. получил гражданство проксении Диа...сын Деметрия, гераклеот. В мотивировочной части декрета этот человек восхваляется за «почтенный нрав», добropорядочность, за то, что и прежде во время пребывания он «принес пользу», и теперь «обнаружил к гражданам настоящую любовь... дружественное и братское расположение... действовал с пользой для нас постоянно»⁵⁶. Опять-таки видим расплывчатую мотивировку, где восхваляются личные качества почитаемого человека, его любовь к городу и приносимая им польза (но неизвестно какая) гражданам города. Ясно, что Диа...сын Деметрия (как и Фрасимед) не в первый раз прибыл в Херсонес, может быть, по торговым делам.

В следующем, 130/131 г. н.э., почетным декретом был награжден еще один гераклеот — Папий, сын Гераклеона. Мотивировочная часть гласит: «Поскольку Папий, сын Гераклеона, гераклеец, проявив полезные нам свойства характера, провел время пребывания у нас самым достопочтенным образом, при дружеских встречах, всех нас полюбив и почитая, как благородный и прирожденный гражданин, за что да надлежит ответно почтить мужа в соответствующей степени»⁵⁷. И здесь совершенно очевиден почетный характер документа. Проксения предоставляется лицу, чтобы «почтить» его за «достопочтенное» времяпрепровождение в Херсонесе.

Хотя проксения превращается в это время в почесть, массовые награждения ею гераклеотов свидетельствуют о тесных связях между Херсонесом и его метрополией. Посредничество «благочестивейших отцов-гераклеотов», проявивших «с родственным сочувствием» заботу о спасении херсонесцев и пославших посольство «к богу нашему и владыке императору Титу Элию Адриану Антонину», привело к получению Херсонесом «свободы» от Боспора⁵⁸. За это совет и народ постановили «восхвалить прародительский наш велеград», на чем надпись, к сожалению, обрывается. Очевидно, после восхваления города следовало восхваление двух послов, через которых «божественные ответы и благосклонно данные благодеяния» стали известны херсонесцам, и предоставление им соответствующих привилегий, возможно, и гражданства проксении.

Таким образом, налицо тесные торговые (осуществлявшиеся через

отдельных лиц, видимо купцов, проживавших часто в Херсонесе) и политические связи между Херсонесом и Гераклеей в римское время.

Награждаются проксениями (а точнее проксеническим гражданством) в римский период и граждане других причерноморских центров. В конце I — начале II в. н.э. получает гражданство проксении амастриец Фарнак, сын Фарнака. От мотивировочной части декрета сохранился лишь небольшой отрывок, из которого узнаем, что этого человека, «всякими добродетелями украшенного... подобает соответственно похвалить»⁵⁹. Ко II в. н.э. относится декрет в честь синопского навклера (судохозяина) Гая Кая Евтихиана⁶⁰. Отмечаются опять-таки его личные качества — «добропорядочность поведения», «почтенный нрав», «любовь ко всем, преимущественно же к нашему городу»; он «счел достойным и сам принять участие в происходящих у нас делах». В середине II в. н.э. получает гражданство проксении и другие привилегии еще один синопеец Л/юций/ Корнелий Понтиан (мотивировочная часть декрета не сохранилась)⁶¹. Все эти проксенические акты имеют целью оказание почестей и вместе с тем подтверждают значительные связи Херсонеса с Южным Причерноморьем⁶².

От многих проксенических декретов римского времени сохранились лишь фрагменты, не меняющие нашего представления о проксении как институте почетном в этот период. Декрет в честь навклера Диофанта Герака, этникон которого неизвестен, восхваляет его и дарует ему гражданство проксении вместе с прочими, упоминающимися обычно в подобных актах привилегиями, за «благосклонное отношение к нашему городу... за то, что доставил нам превосходнейшего... Гая Сильвана» — римлянина, судя по имени⁶³. В декрете в честь Сатира Герака (возможно, брата упомянутого Диофанта) встречаем самые общие выражения: «муж добрый., благородный»⁶⁴. Акт II в. н.э. в честь неизвестного лица также говорит главным образом о высоких моральных качествах его: «муж добрый, прекрасный, достойного нрава, и с детства показавший себя наилучшим образом во всех отношениях, и теперь, во время пребывания у нас», «благородный от рождения и воспитания», «оказывал почтение, проявлял заботу и делал все, за что мы должны соответственно похвалить его»⁶⁵. Почетный характер носит и проксения, дарованная предположительно врачу (поскольку надпись предписано поставить в храме Асклепия)⁶⁶.

По разным делам прибывали чествуемые люди в Херсонес, но так или иначе их деятельность не была связана с оказанием покровительства херсонесцам в своей стране (ни в одном декрете об этом не сказано), а получают проксению они за оказанную услугу или просто за то, «что в дружеских встречах» провели время в Херсонесе: угостили хорошо именитых граждан; совершили пышные жертвоприношения и т. д. При этом уже не предполагается будущая деятельность проксена, как в декретах предшествующего времени. Здесь налицо чистая почесть, не связанная с выполнением последующих функций. Но хотя проксения и утратила в этот период прежнее назначение, тем не менее она, предоставляя определенные привилегии гражданам иностранного

города, способствовала, в конечном счете, улучшению взаимоотношений между государствами.

Херсонесские проксыны так же, как и проксыны других государств, получали определенные права и преимущества, что ставило их в особое положение по сравнению с прочими иностранцами, приближало их статус в некотором отношении к статусу граждан.

В самой ранней проксении, которую мы датируем рубежом IV—III вв. до н.э., родосец Тимагор получает политию, т.е. право гражданства (сам и потомки его) и право входа в гавань и выхода из гавани вместе с имуществом в военное и в мирное время⁶⁷.

В проксениях III в. до н.э. резолютивная часть не сохранилась, но вряд ли произошли какие-то значительные изменения в предоставляемых проксенам правах, поскольку позднее, в актах II—I вв. до н.э. они и потомки их также получают политию, право входа в гавань и выхода из гавани без конфискации их имущества и без заключения договора, во время войны и во время мира. Права, как видим, остаются прежними. Правда, к ним добавляются в это время почетные привилегии: похвалить, постановление написать на беломраморной плите и выставить на видном месте города.

В проксенических декретах римского времени круг прав несколько расширяется. Здесь резолютивная часть также начинается с похвалы: похвалить такого-то. Как уже отмечалось, предоставляется здесь не проксения и политика (гражданство), как раньше, а гражданство проксении. Помимо этого и повторяющегося, как и в предыдущих проксенических актах «права входа в гавань и выхода из гавани в мирное и в военное время без конфискации и без заключения договора ему самому и потомкам и имуществу их», в декретах I—III вв. н.э. предоставляется «участие в государстве во всем, в чем участвуют и херсонесцы». Постановление предписывается написать на беломраморной плите и выставить на самом видном месте акрополя или в храме.

Постепенное расширение предоставляемых проксену прав и привилегий начиная со II в. до н.э. соответствует общей тенденции в развитии проксении — усилению ее почетной стороны.

Как видим, все херсонесские проксыны (и их потомки) получали право беспрепятственного приплыва и отплыва и во время мира, и в военное время без конфискации их имущества и без заключения особого договора. Эта безопасность личности и имущества проксенов считалась очень важной привилегией в античном мире, где иностранец становился совершенно беззащитным на чужой территории. Подобное право имели ольвийские проксыны и проксыны некоторых других полисов.

Все херсонесские проксыны получали также политию — право гражданства. Предоставление такого права редко встречается в проксениях дорических государств, зато почти всегда у ионийцев. Так что в этом можно видеть влияние ионийской проксении. Пожалованная проксеническим актом политика, на наш взгляд, — это гражданство почетное. Не случайно в римское время оно обозначается *progenias politeian*, т.е. гражданство, получаемое по проксении. Как отмечалось, употреб-

ление такого термина свидетельствует, с одной стороны, об изменении характера проксении, падении ее значения как функции и чисто почетном восприятии этого института, поскольку сама проксения отдельно в декрете не предоставляется, а даруются только проксенические права и привилегии. С другой стороны, этот термин показывает, что почетное гражданство не отождествлялось с гражданством природным. Подтверждением может служить и декрет в честь Гая Юлия Сатира, где чувствуемое лицо названо почетным гражданином (*polites poietos*)⁶⁸. Это лицо — не просто гражданин Херсонеса, т. е. не природный гражданин, а получивший гражданство по декрету.

Права почетных граждан были в какой-то степени ограниченными. Они, по-видимому, не имели права быть избранными на государственные должности. Но в римское время к общей формуле в резолютивной части прибавляется дополнение: «участвовать во всем, в чем предоставлено участие херсонесцам», в одном декрете говорится об участии во всем, в чем участвуют «природные граждане»⁶⁹. Это еще раз показывает разграничение почетного и природного гражданства и в то же время расширяет права почетных граждан. Нам думается, что в римское время такое дополнение в проксенических декретах давало право им, наряду с участием в народном собрании, быть избранными на государственные должности. В одной надписи, дошедшей до нас в крайне фрагментарном состоянии, можно предположить такое восстановление в резолютивной ее части: «...быть ему ... и проедром и во всем участвовать в городе, в чем и другие херсонесцы участвуют»⁷⁰, т. е. чувствуемый гражданин-проксен мог быть избран и на должность проедра — одну из высших государственных должностей Херсонеса⁷¹.

Ни в одном проксеническом декрете Херсонеса не предоставляется ателия — освобождение от пошлин на ввозимое имущество — привилегия, даруемая в большинстве соответствующих актов Ольвии. На этом основании А. И. Тюменев делает вывод о том, что проксении Херсонеса не были обусловлены торговыми интересами⁷². Говорить о том, что все херсонесские проксении не связаны с торговыми интересами, конечно, нельзя. В Афинах, например, ателия давалась сравнительно редко: даже в декрете о предоставлении проксении купцу Гераклиду, саламинцу, освобождение от пошлин не даруется, хотя благодеяния купца оценены очень высоко⁷³. В то же время в Дельфах проксены среди прочих привилегий почти всегда получают ателию, тогда как совершенно очевидно, что многие проксенические акты Дельфийского святилища имели целью обеспечить прием феоров (послов, направлявшихся святилищем для объявления времени празднеств) в различных городах античного мира и способствовали установлению религиозных связей⁷⁴.

Кроме того, надо иметь в виду, что в каждом полисе складывается свой определенный круг предоставляемых привилегий. При этом в проксениях ионических государств в одних случаях даются одни привилегии, в других — другие. В проксениях же дорических государств, которым вообще свойствен был консерватизм, предоставлялись одни и те же, в основном не очень значительные, права и привилегии. Все херсонесские проксены в соответствующий период получают одинаковые

преимущества, и в этом сказываются традиции дорической проксении.

Дарование ателии вообще не присуще херсонесским проксениям. Тем не менее некоторые из них, безусловно, были связаны с торговыми интересами города: таковы проксении, данные родосцу (IV—III вв. до н. э.), ольвиополиту (III в. до н. э.), синопейцу Менофилу (II в. до н. э.).

Подводя итог сказанному, мы можем сделать вывод, что проксении дорического города Херсонеса под влиянием внешних сношений, связей с ионическими государствами в значительной степени приближаются к ионийским проксениям. Здесь наблюдается эволюция формулы проксенических декретов от краткой в IV в. до н. э. к расплывчатой, многословной позднее. Проксения сочетается с предоставлением гражданства, что также характерно для ионических полисов. Со временем происходит расширение прав проксена, это свойственно и ионийским проксениям. Однако не утрачены в Херсонесе полностью и черты проксении дорического типа. Они проявляются, в частности, в том, что круг привилегий для определенного времени строго очерчен, и все проксены в какой-то данный период получают одинаковые права и преимущества.

В Херсонесе эллинистического времени мы наблюдаем проксении разного рода: и торговые, и данные с дипломатической целью. Они способствовали установлению и развитию торговых и политических связей города с другими центрами античного мира, преимущественно припонтийскими полисами. Постепенно наблюдается усиление почетной стороны проксении, и в римский период она превращается в почесть.

В отличие от Ольвии (и прочих античных центров) проксенические декреты римского времени в Херсонесе встречаются в значительном количестве, что было связано с экономическим подъемом города и активизацией его внешнеполитической деятельности. И хотя в этот период проксения утратила прежнее назначение и выступает как институт чисто почетный, она способствует поддержанию дружественных отношений между античными государствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Р. Монсеау. *Les proxenies grecques*. Р., 1886, р. 15.

² Г. Бузольт. *Очерк государственных и правовых древностей*, Харьков, 1890; G. Busolt—H. Swoboda. *Griechische Staatskunde*. München, 1920—26; G. Klaffenbach. *Griechische Epigraphik*. Göttingen, 1957.

³ W. Schwahn. *Das Bürgerrecht der sympolitischen Bundesstaaten bei den Griechen*.—Hermes, Bd. 66, 1931; V. Ehrenberg. *Der Staat des Griechen*. Leipzig, 1957.

⁴ H. Schaefer. *Staatsform und Politik*. Leipzig, 1932.

⁵ A. Wilhelm. *Proxenie und Euergesie*.—Attische Urkunden, V, 1942.

⁶ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды.—ВДИ, 1938, № 2, с. 245.

⁷ Более ранних, чем IV в. до н. э., и более поздних, чем III в. н. э., проксенических декретов в Херсонесе пока не обнаружено.

⁸ A. Lambrechts. *Tekst en uitzicht van de Atheense proxeniedecreten tot 323 v. C. Brussel*, 1958, s. 138.

⁹ IPE, I², 340.

¹⁰ W. Lariel d. *Griechische Epigraphik*. München, 1914, s. 355.

¹¹ IPE, I², 341, 343, 344, 345. К сожалению, декреты, которые мы считаем проксе-

ниями, находятся в очень фрагментарном состоянии, и их характеристику мы даем по аналогии с прочими государственными декретами этого же времени.

¹² В проксенических актах IPE, 1², 341, 345, судя по сохранившимся фрагментам, с предложением о декрете выступили частные лица, в надписи же IPE, 1², 343 — должностные лица.

¹³ IPE, 1², 349, 351. Надпись IPE, 1², 349 дополнение Э. И. Соломоник. См.: Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973, № 110.

¹⁴ IPE, 1², 356, 357, 358, 359, 360, 361, 364, 365, 366 и др.

¹⁵ По мнению Е. Г. Сурова, список таких лиц, сохранившийся целиком в двух декретах, включал в себя полный состав совета Херсонеса. — Е. Г. Су р о в. Новая херсонесская надпись. — ВДИ, 1960, № 3, с. 154.

¹⁶ Р. Монсеаух. *Les proxenies...*, p. 46—47.

¹⁷ Р. А. Новикова. Симнамоны и номофилаки Херсонеса Таврического. ВДИ, 1961, № 2, с. 107.

¹⁸ В. И. Ка д е е в. Херсонес Таврический в I в. до н. э. — III в. н. э. Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 32.

¹⁹ IPE, 1², 340.

²⁰ Ю. С. Круш кол. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху. — ВДИ, 1957, — 4, с. 111.

²¹ А. М. Гилевич. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. — В сб. Нумизматика и сфрагистика, вып. 3. Киев, 1968, с. 29.

²² Там же, с. 24.

²³ Ю. С. Круш кол. Основные пункты и направления торговли..., с. 111.

²⁴ А. И. Тю менев. Херсонесские этюды. V. — ВДИ, 1950, № 4, с. 15.

²⁵ Там же.

²⁶ Е. И. Леви. Ольвийский декрет из раскопок 1949 года. — ВДИ, 1951, № 1, с. 145.

²⁷ Demosth. *Pros Callippon*, 5 sq.

²⁸ IPE, 1², 341.

²⁹ IPE, 1², 345.

³⁰ Е. Г. Су р о в. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. — «Уч. зап. Моск. пед. ин-та», т. 28, вып. 1, 1942, с. 126.

³¹ А. М. Гилевич. Античные иногородние монеты..., с. 7; приложение 1.

³² Надписи Ольвии. Л., 1968, 3.

³³ Там же, 26.

³⁴ IPE, 1², 402.

³⁵ IPE, 1², 351.

³⁶ А. И. Тю менев. Херсонесские этюды. V, с. 16.

³⁷ В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, с. 72.

³⁸ М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, с. 211, 225.

³⁹ IPE, 1², 351.

⁴⁰ Г. Д. Белов. К вопросу об изучении экономики Херсонеса эллинистического периода. — В сб.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 180.

⁴¹ Опись вещей, найденных при раскопках в северо-западной части Херсонеса в 1960 г. Сост. Е. Г. Су ров, С. Ф. Стржелецкий. Нами был произведен подсчет венчиков, ручек и донышек амфор, произведенных в разных центрах. Приводится в процентном отношении количество найденных донышек, как наиболее показательный материал. См. также: С. Ф. Стр ж е л е ц к и й. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. — В сб.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху, с. 78, прим. 47. Приведенный автором керамический материал из раскопок усадьбы II в. до н. э. также в основном соответствует нашим данным.

⁴² По данным тех же раскопок северо-западного участка, на 2547 обломков местной черепицы приходится 344 обломка черепицы синопской.

⁴³ IPE, 1², 349; Новые эпиграфические памятники Херсонеса. 1973, № 110.

⁴⁴ В. В. Латышев в комментарии к надписи высказал предположение: «Этот посол, возможно, доставил херсонесцам ответ Митридата, после того как они просили его принять их под свою власть». — IPE, 1², 349, комментарий.

⁴⁵ Надписи Ольвии, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 14, 15, 24, 26, 27. *ИРЕ*, 1², 27, 30.

⁴⁶ Н. И. Соколовский, Д. Б. Шелов. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья.— В сб.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху, с. 48; В. Д. Блаватский. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 16.

⁴⁷ *ИРЕ*, 1², 691.

⁴⁸ Е. С. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951, с. 68—69.

⁴⁹ *ИРЕ*, 1², 356.

⁵⁰ В. Ф. Гайдукевич. История античных городов..., с. 90; С. Ф. Стржеleckкий. Основные этапы..., с. 80—81; В. И. Кадеев. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. Харьков, 1970.

⁵¹ С. Ф. Стржеleckкий. Клеры Херсонеса Таврического.— В кн.: Херсонесский сборник, вып. 6. Симферополь, 1961, с. 136, 141—142.

⁵² Мемнон, 49, 5.

⁵³ *ИРЕ*, 1², 357.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Р. Х. Лепер. Херсонесские надписи.— *ИАК*, вып. 45, 1912, с. 55.

⁵⁶ *ИРЕ*, 1², 359.

⁵⁷ Е. Г. Суров. Новая херсонесская надпись, с. 154.

⁵⁸ *ИРЕ*, 1², 362.

⁵⁹ *ИРЕ*, 1², 358.

⁶⁰ *ИРЕ*, 1², 364.

⁶¹ *ИРЕ*, 1², 697.

⁶² Небезынтересно отметить, что прокшеном южнопонтийского города Тия был во II в. н. э. херсонесский гражданин..., сын Папия.— В сб.: Новые эпиграфические памятники Херсонеса, 1964, № 13.

⁶³ *ИРЕ*, 1², 365.

⁶⁴ *Ibid.*, 366.

⁶⁵ *Ibid.*, 368.

⁶⁶ *Ibid.*, 376.

⁶⁷ *Ibid.*, 340.

⁶⁸ *Ibid.*, 691.

⁶⁹ *Ibid.*, 364.

⁷⁰ *Ibid.*, 383.

⁷¹ В. В. Латышев считает проедров председателями совета. См.: В. В. Латышев. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического.— *ЖМНП*, 1884, июнь, с. 53.

⁷² А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. V, с. 21—22.

⁷³ *Syll.*³, 304.

⁷⁵ В III в. до н. э. за оказанный прием феорам херсонесец Сокрит, сын Кратона, наряду с гражданами других центров (всего 15 городов), был удостоен проксении и значительных привилегий, в том числе и ателии, в Дельфах. Все названные в декрете прокшены получили право принимать феоров, в чем, надо думать, и был основной смысл проксении. См.: Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях.— *ВДИ*, 1939, № 3 (12).